

Woman in Russian Society
2020. No. 1. P. 55—69
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.5

Женщина в российском обществе
2020. № 1. С. 55—69
ББК 60.543.172
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.5

ГЕНДЕРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

О. И. Ключко^a, А. А. Чекалина^a, Е. В. Иоффе^b
М. А. Ерофеева^c, Н. Ф. Сухарева^d, Е. В. Самосадова^d

^a Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия,
olga-klioutchko@yandex.ru

^b Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия

^c Московский университет Министерства внутренних дел РФ им. В. Я. Кикотя,
г. Москва, Россия

^d Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева,
г. Саранск, Россия

Обсуждаются результаты эмпирического исследования представлений российской студенческой молодежи мегаполисов и провинциальных городов о гендерных трансформациях ролей и качеств современных мужчин и женщин. В представлениях респондентов зафиксированы изменения гендерных ролей современных мужчин и женщин, расширение спектра их поведения, а также выраженная потребность в уважительных и ответственных взаимоотношениях. Сравнительный анализ позволил сделать выводы о формальных и содержательных различиях представлений в зависимости от пола респондентов и места их обучения. Результаты исследования продемонстрировали противоречивость и неоднозначность восприятия гендерных трансформаций — критичность в оценках противоположного пола и идеализацию своего пола, дефицит партнерства и сотрудничества.

Ключевые слова: студенческая молодежь, гендерные трансформации, мегаполис, провинция, современный мужчина, современная женщина, гендерные роли, гендерные качества, конструктивные суждения, деструктивные суждения.

© Ключко О. И., Чекалина А. А., Иоффе Е. В., Ерофеева М. А., Сухарева Н. Ф., Самосадова Е. В., 2020

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ (проект 18-013-01207).

GENDER TRANSFORMATIONS IN THE VIEWS OF RUSSIAN YOUTH

*O. I. Klyuchko^a, A. A. Chekalina^a, E. V. Ioffe^b,
M. A. Erofeeva^c, N. F. Sukhareva^d, E. V. Samosadova^d*

^a Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation,
olga-klioutchko@yandex.ru

^b Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

^c Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

^d Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russian Federation

The article presents the results of an empirical study on the ideas of Russian students representing mega- and provincial cities about gender transformations in the roles and qualities of modern men and women. The respondents' views recorded changes in the gender roles of modern men and women, expanding the range of their behavior, as well as the need for respectful and responsible relationships. The comparative analysis allowed to draw conclusions about formal and substantive differences of representations depending on a sex of respondents and a place of their training. The results of the study showed inconsistency and ambiguity in the perception of gender transformations: criticality in the assessment of changes of the opposite gender and the idealization of their own gender, lack of partnership and cooperation.

Key words: student youth, gender transformation, metropolis, province, modern man, modern woman, gender roles, gender qualities, constructive judgments, destructive judgments.

В современных научных исследованиях тема изменений (трансформаций, динамики) человека и общества активно разрабатывается в самых разных аспектах — от возрастания объемов информации и скорости ее обновления, масштабов территориальной и профессиональной мобильности людей до появления новых типов субкультур, сообществ и идентичностей. Исследователи разного профиля подчеркивают, что в последнее время интенсивность этих изменений увеличивается, фиксируя множественные, зачастую разнонаправленные тенденции антропо- и социогенеза. Возможности прогнозирования резко снизились, утверждается необходимость жить и принимать решения в ситуации неопределенности, обладать умением взаимодействовать, сотрудничать и договариваться [Инглхарт, 2018; Терентьева, 2019].

Однако направленность изменений в разных странах неоднотипна. К примеру, корреляция между двумя основными осями ценностей, системно изучаемыми социологами, психологами и другими специалистами («сохранение — открытость к изменениям» и «забота о людях — самоутверждение»), имеет разную направленность в западном и афразийском мирах. Так, тенденция уменьшения ценностей сохранения и роста ценностей открытости к изменениям является мировой, но в западном мире рост открытости сопровождается ростом заботы

об окружении, а в афразийском мире — ростом самоутверждения, что может объясняться нахождением стран и регионов на разных стадиях модернизации и различиями в цивилизационных паттернах [Зинькина и др., 2018].

Действительно, глобализация ведет не только к унификации, но и к расширению пространства межличностных контактов (в первую очередь в виртуальной среде); усиление социальной неопределенности вследствие изменения большинства социальных норм вызывает рост напряженности, но в то же время рост толерантности; увеличение продолжительности жизни — удлинение периода детства и появление внушительного слоя социально и профессионально активного пожилого населения; расширение информационного пространства дало невиданный доступ к образованию и одновременно резко снизило его качество; появление вариативных форм семьи и тенденция к индивидуализации обусловили одиночное проживание как стиль жизни [Байбурина, 2014]. Подобных трансформаций множество, одним из наиболее болезненных и обсуждаемых изменений являются гендерные трансформации, которые И. С. Кон описал как триединство сексуальной, гендерной и семейной революций [Кон, 2011].

Начиная с 1960-х гг. вместе с ослаблением внешнего контроля за сексуальным поведением и появлением эффективной контрацепции произошло снижение возраста сексуального дебюта, рост числа до- и внебрачных связей, т. е. отделение сексуальности от репродукции. Совместное обучение мальчиков и девочек, ставшее массовым в XX в., подорвало гендерную сегрегацию, что одновременно с ростом потребности в людях массовых профессий привело к ослаблению асимметрии мужских и женских социальных, в том числе профессиональных, ролей. На данный момент очень немногие сферы жизни можно назвать только мужскими или только женскими. Несмотря на более значительную выраженность изменений у женщин, уже сейчас большинство психологических черт и свойств человека считаются гендерно-нейтральными, а не полотипичными [там же].

Социологические исследования показывают, что гендерные отношения устойчиво изменяются в сторону равноправия, данная тенденция становится общемировой при сохранении в конкретных странах разной скорости и траектории данного перехода [Billari, Esping-Andersen, 2015; Инглхарт, 2018; Тартаковская, Лунин, 2018; Чернова, 2019]. Однако для возникновения нового доминирующего равновесия необходимо, чтобы на смену традиционным гендерным нормам пришли нормы, выстроенные на эгалитарной основе. Для этого необходим определенный процент индивидов, ориентированных на гендерное равенство, критическая масса которых способствует распространению эгалитарных норм, а также адаптации социальных институтов и семейных отношений [Чернова, 2019].

Большинство российских процессов гендерной трансформации идут в русле общих тенденций, характерных для большинства развитых стран [Мирча, 2010; Задворнова, 2013; Силласте, 2019]. Однако в российском общественном дискурсе в настоящее время фиксируются два противоположных вектора, которые исследователями обозначаются, с одной стороны, как сближение профессиональных и семейных ролей мужчин и женщин, с другой — как усиление внимания к гендерным различиям, а также противопоставления ролей, статусов

и жизненного предназначения мужчины и женщины. Эти тенденции на уровне массового сознания проявляются в сосуществовании традиционалистских (патриархатных, консервативных) и эгалитарных гендерных норм [Клецина, Иоффе, 2017; Ковтун, Куперман, 2017], что свидетельствует о незавершенности гендерной революции.

Так, признается, что в России семейная революция фактически не состоялась, поскольку массовый выход женщин на рынок труда не получил такого же «симметричного ответа» со стороны мужчин в сфере их участия в осуществлении заботы о детях и выполнении неоплачиваемой домашней работы [Чернова, 2019]. Кроме того, велико влияние социально-экономических условий, в которых проживает молодежь: как правило, в мегаполисах демонстрируются более динамичные изменения относительно провинции, в том числе и больший запрос на эгалитарные отношения [Ключко, 2018].

Очевидно, что результат развития этих тенденций во многом будет зависеть от формирующегося мировоззрения современного молодого поколения. Каковы представления современных молодых людей о гендерных трансформациях, какие из них они фиксируют, как их интерпретируют и оценивают — вот те вопросы, ответ на которые стал целью нашего исследования.

Методология и организация исследования

Теоретико-методологической базой исследования послужили концепции трансформаций в ценностно-смысловой и эмоциональной сферах человеческих отношений (Э. Гидденс, Р. Коннелл, Р. Инглхарт, И. С. Кон, Г. Г. Силласте), концепция традиционной и модернизированной моделей семьи (Э. Гидденс, С. И. Голод, Ж. В. Чернова), положения гендерного подхода в исследованиях межличностных отношений (И. С. Клецина, Е. В. Иоффе), концепция гендерного самосознания (А. А. Чекалина).

Для изучения восприятия молодежью современных гендерных трансформаций было проведено интервьюирование студентов городов Коломна (Московская область), Саранск (Республика Мордовия), Балашов (Саратовская область), Москва и Санкт-Петербург. В опросе приняли участие 237 студентов, в том числе учащиеся Московского городского педагогического университета, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Государственного социально-гуманитарного университета, Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, Балашовского института Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, из них 175 девушек и 62 юноши (средний возраст — 19,5 года).

В основной части интервью стояли два вопроса.

1. Кто такие современные мужчины? Какие качества вы у них наблюдаете?
2. Кто такие современные женщины? Какие качества вы у них наблюдаете?

Предполагалось услышать разнообразные суждения, которые бы позволили воссоздать представления студентов, наблюдающих происходящие на их глазах гендерные трансформации, о современных мужчинах и женщинах и выявить отношение к данным переменам как индикатор, с одной стороны, их гендерного самосознания, с другой — их готовности к партнерским отношениям. Студенчество — динамичная, пластичная и мобильная социальная группа, чувствительная

к изменениям в различных направлениях жизни общества. Ментальность студента мегаполиса и ментальность студента небольшого города различаются, поскольку город и городская среда задают формат жизнедеятельности, закрепляют символически и содержательно образ жизни, а следовательно, ценностную систему индивида, выступающую в качестве каркаса ментальности [Чекалина, 2018]. Исследования Т. В. Семеновой показали различия в ментальностях, которые определяются темпами динамических процессов, качественными и количественными характеристиками городской среды. Провинциальное и урбанистическое сознание различаются в зависимости от степени демократичности города, позволяющего городским жителям быть более свободными в своих суждениях; жесткости соблюдения социальных норм и эмоциональной сферы города; в зависимости от иерархии личностных потребностей, связанных с отношениями между людьми и др. [Семенова, 2007].

Обработка результатов проходила с использованием контент-анализа. В качестве категорий анализа были выделены дефиниции современных мужчин и женщин, их личностные качества, ценности и роли; в качестве единиц анализа — законченные высказывания, учитывался также знак единицы анализа (положительная, нейтральная или отрицательная оценка/отношение). Содержательные высказывания с утвердительной/созидательной коннотацией, а также безоценочные, сопровождающиеся позитивными эмоциями, были определены как конструктивные; отрицательно окрашенные высказывания с негативными оценочными суждениями, не способствующие диалогу и развитию партнерских отношений, обозначены как деструктивные.

Исследовательская программа предполагала анализ полученных результатов с целью сопоставления содержательных конструктивных/деструктивных суждений девушек и юношей о современных мужчинах / современных женщинах; повыворочный анализ конструктивных/деструктивных высказываний девушек и юношей провинции, девушек и юношей мегаполисов. Сопоставление результатов проводилось с использованием ϕ -критерия Фишера, что позволило оценить достоверность различий между процентными долями двух выборок по числу конструктивных/деструктивных высказываний. Таким образом, была получена следующая информация:

- об актуальных представлениях юношей и девушек о концептах «современный мужчина» и «современная женщина»;
- отношении юношей и девушек к современным гендерным трансформациям, иллюстрирующем ту или иную степень их осознания и принятия;
- специфике представлений студенческой молодежи мегаполиса и провинции о гендерных трансформациях.

Результаты исследования

Интервьюирование вызывало активную дискуссию, яркие эмоциональные отклики, довольно продолжительное обсуждение. Юноши и девушки в развернутой форме продемонстрировали свое представление о современном мужчине и женщине, высказались по поводу их статусов в социальном устройстве, качеств личности, системы отношений, ценностей и ролей. В данной статье мы

представим наиболее часто используемые в ответах дефиниции и сосредоточимся на отношении респондентов к тем изменениям, которые они описывали.

Стараясь дать определение понятия «современный мужчина», молодые люди называли его «представителем сильного пола с ярко выраженной физической и моральной зрелостью». Обобщенная характеристика мужчины включает такие качества, как целеустремленность, ориентация на самореализацию и достижения, забота о семье. Современная женщина, по мнению молодых людей, «это не домохозяйка, а человек, умеющий зарабатывать», она демонстрирует независимость, отзывчивость, терпеливость, заботливость, ориентируется на семейные и несемейные ценности, материнство и развитие карьеры, стремится к мастерству и красоте.

Респондентов всех выборок объединяет убежденность в заметных трансформациях гендерных ролей современных мужчин и женщин, расширении спектра стереотипного поведения. Так, мужчины активно осваивают женские роли и демонстрируют фемининные качества личности: студенты отмечают их пассивность, доброту, мягкость, заботливость, эмоциональность, ранимость, осознанное отцовство и ответственное супружество. Стереотип о том, что мужчина должен построить дом, посадить дерево, для современного молодого человека может не быть актуальным, он ориентируется не на стереотипы, а на собственные потребности. В поведении и взаимодействии женщин молодые люди наблюдают уверенность в собственных силах и правах, независимость от партнеров-мужчин и самодостаточность, не-слабость, возрастающую мужественность. Современные женщины «научились совмещать семью и профессию», умеют делегировать семейную нагрузку и явно выходят за границы стереотипа о «берегине домашнего очага».

И юноши и девушки отметили равные возможности современных мужчин и женщин в профессиональной деятельности, карьерных намерениях, саморазвитии, исполнении ролей в семье: «Мужчины и женщины зачастую занимают сейчас одни позиции в разных сферах общества», «Сегодня девушка имеет такие же права, как и мужчина».

Трансформация гендерных особенностей отмечалась респондентами в наблюдаемой культуре ухода за собой, культе внешности, внимании к модным тенденциям, в широком использовании технологий пластической хирургии, косметологии, практик ухода за телом для мужчин и женщин.

Трансформация ролей и размытость стереотипов не разрушают базовых человеческих ценностей во взаимоотношениях. Отметив, что современные женщины и мужчины очень разные, молодые люди признали: «все хотят любви, семью», уважительных и ответственных взаимоотношений.

Сравнительный анализ позволил сделать выводы о формальных и содержательных различиях озвученных представлений в зависимости от пола респондентов. В частности, по сравнению с юношами девушки высказали значительно больше деструктивных суждений о современных мужчинах и значительно меньше конструктивных (табл. 1). В высказываниях студенток провинциальных вузов отчетливо прозвучали:

— критика и скепсис в отношении качеств личности современного мужчины (избалованность, безответственность, несамостоятельность, зависимость и др.);

— осуждение непаритетных отношений с женщинами («не готовы принимать важные решения», «перекладывают всё на женщину», «раньше было наоборот»);

— негативная оценка отношения мужчин к своей внешности («подолгу лобуются <собой> перед зеркалом», «рассматривают лицо и фигуру», «делают причёску», «мажут лицо кремом», «наносят макияж», «тратят массу времени на уход за собой», «больше, чем девушки, увлечены покупками одежды, обуви, аксессуаров»).

Студентки мегаполисов одновременно называли крайне противоречивые качества личности мужчин («очень мягкие — какие-то тряпки — либо очень жесткие», «решительные, упорные, которые к чему-то стремятся, которые достигают своих целей» и, наоборот, «очень зажатые, необразованные, неинтересные», «забываются о внешности, приятно посмотреть» и «красуются как девочки»).

Таблица 1

**Эмпирические показатели ϕ -критерия Фишера
 при сопоставлении гендерных представлений о современных мужчинах
 студентов мегаполиса и провинции**

| Высказывания | Студенты провинции | | Студенты мегаполиса | |
|---|--------------------|---------|-------------------------|---------|
| | Девушки | Юноши | Девушки | Юноши |
| Общее количество | 119 | 45 | 127 | 58 |
| Конструктивные суждения, % | 22,7 | 42,2 | 48,8 | 72,4 |
| Сравнение результатов высказываний девушек/юношей внутри выборок студентов провинции и мегаполиса | 2,409** | | 3,082** | |
| Сравнение результатов высказываний девушек провинции / девушек мегаполиса | 4,344** | | | |
| Сравнение результатов высказываний юношей провинции / юношей мегаполиса | 3,126** | | | |
| Деструктивные суждения, % | 52,9 | 15,6 | 51,2 | 22,4 |
| Сравнение результатов высказываний девушек/юношей внутри выборок студентов провинции и мегаполиса | 4,679** | | 3,837** | |
| Сравнение результатов высказываний девушек провинции / девушек мегаполиса | 0,276 | | | |
| Сравнение результатов высказываний юношей провинции / юношей мегаполиса | 0,884 | | | |
| Сравнение количества конструктивных/деструктивных высказываний | 4,911** | 2,864** | 0,377 (H ₀) | 5,650** |

Примечание. $\phi_{эмп}^*$ — при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ — при $p \leq 0,01$ (2,31).

Юноши оппонировали девушкам: мужчины, по их мнению, демонстрируют смелость, ум, умение принимать решения, упорство, открытость новому, иногда эти качества сочетаются с безынициативностью, трусоватостью, бесхребетностью, мягкотелостью, ленью, определенной меркантильностью.

В сравнении с юношами девушки высказали значимо большее количество положительных суждений о современных женщинах. Они считают их людьми с большим диапазоном возможностей (табл. 2). Среди качеств

личности, кроме перечисленных, названы уверенность в своих правах, решительность, ум, целеустремленность, конкурентоспособность, а также романтичность и мечтательность.

Таблица 2

**Эмпирические показатели ϕ -критерия Фишера
при сопоставлении представлений о современных женщинах
студентов мегаполиса и провинции**

| Высказывания | Студенты провинции | | Студенты мегаполиса | |
|---|--------------------|--------|---------------------|-------|
| | Девушки | Юноши | Девушки | Юноши |
| Общее количество | 71 | 31 | 67 | 64 |
| <i>Конструктивные суждения, %</i> | 50,7 | 32,3 | 88,1 | 51,6 |
| Сравнение результатов высказываний девушек/юношей внутри выборок студентов провинции и мегаполиса | 1,750* | | 4,771** | |
| Сравнение результатов высказываний девушек провинции / девушек мегаполиса | 4,997** | | | |
| Сравнение результатов высказываний юношей провинции / юношей мегаполиса | 1,801* | | | |
| <i>Деструктивные суждения, %</i> | 11,3 | 54,8 | 11,9 | 51,6 |
| Сравнение результатов высказываний девушек/юношей внутри выборок студентов провинции и мегаполиса | 4,567** | | 5,129** | |
| Сравнение результатов высказываний девушек провинции / девушек мегаполиса | 0,123 | | | |
| Сравнение результатов высказываний юношей провинции / юношей мегаполиса | 0,300 | | | |
| Сравнение количества конструктивных/деструктивных высказываний | 5,364** | 1,810* | 10,010** | 0,000 |

Примечание. $\phi_{эмп}^*$ — при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ — при $p \leq 0,01$ (2,31).

Студенты мегаполиса, в отличие от студенток, высказали значимо больше отрицательных суждений о современной женщине, приписав ей неискренность, искусственность, цинизм, меркантильность, слабость, наивность, иждивенчество, демонстративное поведение и др.

Формально значимых отличий в количестве позитивных высказываний о современной женщине юношей и девушек провинции не наблюдается. Как позитивные качества были отмечены ее способность любить, заботиться, мастерить, модно одеваться, а также роль хранительницы домашнего очага. Однако в отличие от идеалистичных суждений девушек юноши провинциальных вузов высказали гораздо более скептические суждения о современной женщине. Возрастающая мужественность женщин ассоциируется у юношей с меркантильностью, напористостью, распушенностью, бездуховностью, невежеством, стяжательством: «Большинство девушек в современном мире заиклено на деньгах, вещах, социальном статусе во всех его проявлениях и удачном замужестве».

Формально и содержательно представления о современных мужчине и женщине дифференцированы в зависимости от места обучения/проживания.

Анализ формата и содержания высказываний показал, что гендерные трансформации в статусах и возможностях современных мужчин и женщин воспринимаются студенческой молодежью провинции в формате оппозиции и долженствования более, чем в формате партнерских и развивающихся отношений (табл. 3).

Таблица 3

**Эмпирические показатели ϕ -критерия Фишера
 при сопоставлении представлений о современных мужчинах и женщинах
 студентов провинции**

| Высказывания | Студенты провинции | | | |
|---|--------------------|---------|-------|---------|
| | Девушки | | Юноши | |
| Конструктивные суждения, %: о мужчинах | 22,7 | 3,947** | 42,2 | 0,885 |
| | 50,7 | | 32,3 | |
| Деструктивные суждения, %: о мужчинах | 52,9 | 6,302** | 15,6 | 3,671** |
| | 11,3 | | 54,8 | |

Примечание. $\phi_{эмп}^*$ — при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ — при $p \leq 0,01$ (2,31).

В высказываниях жителей провинции присутствуют элементы идеализации образа мужчины прошлого времени, ориентация на его традиционные роли: «Мужчина должен нести ответственность за свои поступки (не убежать в кусты), а также за своих близких — жену и детей», «...женщина тоже должна работать, но зарплата у мужчины должна быть больше». Высказывания часто оформлены в формате долженствования: «Мужчина должен стремиться к достижению каких-либо высот в профессии, карьере, чтобы им гордились жена, дети, родители, коллеги». «В основе отношения мужчины к женщине лежит уважение», — заявляет респондент, не поясняя при этом, что лежит в основе отношения женщины к мужчине и в чем именно состоит это уважение.

Девушки провинции, обсуждая смешение женских и мужских ролей, отметили разноплановость ролевого поведения современной женщины («все несет на себе», должна быть «мастерицей на все руки — от мебели до бижутерии»). Эти респондентки также выразили мнение, что позитивные возможности самореализации женщин в профессиональной карьере могут негативно восприниматься обществом как карьеризм, так называемое мужское поведение, нежелание думать о семье и осуждаться: «Карьеристки не всегда принимаются обществом, причем критикуют их больше сами женщины...»

Карьероориентированное поведение, наоборот, приветствуется девушками — жительницами мегаполисов. В редких отрицательных высказываниях о современных женщинах студенток мегаполисов содержатся отсылки к наивности, глупости, слабости, подверженности мужскому влиянию. На широкий ролевой репертуар также было указано в контексте осуждения большой нагрузки женщин: «Все на них — и дети, и семья, и дом, и работа».

Судя по высказываниям юношей — студентов провинции, современный мужчина трансформировался в «ненастоящего» мужчину, «лицо с обложки», он сравнивается с «западным» мужчиной: «В нашей стране распространены

представления о “нормальных” мужиках, настоящих мужчинах, в отличие от Запада», «В нашей стране остались еще “нормальные” мужики, настоящие мужчины, в отличие от Запада». В их высказываниях об отношениях с женщиной отчетливо прозвучали патриархатные тенденции: «Женщина должна слушаться мужчину». В то же время патриархатные отношения для современных мужчин и женщин юноши мегаполиса сочли невозможными: «Раньше мужчины доминировали, сейчас в этом не стало необходимости». Мужчина, в их понимании, изменился, поскольку изменились его социальные роли.

Таблица 4

Эмпирические показатели ϕ -критерия Фишера при сопоставлении представлений о современных мужчинах и женщинах студентов мегаполиса

| Высказывания | Студенты мегаполиса | | | |
|---|---------------------|---------|-------|---------|
| | Девушки | | Юноши | |
| Конструктивные суждения, %: о мужчинах | 48,8 | 5,886** | 72,4 | 2,392** |
| | 88,1 | | 51,6 | |
| Деструктивные суждения, %: о мужчинах | 51,2 | 5,886** | 22,4 | 3,396** |
| | 11,9 | | 51,6 | |

Примечание. $\phi_{\text{эмп}}^*$ — при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{\text{эмп}}^{**}$ — при $p \leq 0,01$ (2,31).

Различия в гендерной провинциальной и урбанистической ментальности можно проиллюстрировать на примере высказываний на тему прав и возможностей современных мужчин и женщин. И юноши и девушки, отметив их равные права в профессии, карьере, семье («Мужчины и женщины зачастую занимают сейчас одни позиции в разных сферах общества», «И мужчина и женщина при желании могут реализоваться в разных сферах»), продемонстрировали различное понимание этого равноправия. Девушки отчетливо высказали сомнение в возможностях самореализации женщин в современных социальных условиях: «На последних президентских выборах женщине-кандидату постоянно указывали на ее место». Равные права, с точки зрения девушек мегаполиса, это когда «женщины могут позволить себе такие вещи, которые не могли позволить раньше»: «Они могут работать, могут даже быть президентами. Так, например, в США есть такая возможность». По мнению девушек провинции, равные права привели к исключению уважительного отношения к женщине: «...собьют и не извинятся, не всегда уступят место в транспорте, не подержат дверь при выходе, не подадут руку», «Мы, женщины, сами виноваты — боролись за равноправие, вот и получили...»

Юноши высказали сомнение в способности женщин распоряжаться равными правами. Студенты провинции выразили неуверенность в необходимости равноправия для женщин: «Современные женщины только хотят казаться независимыми и равными мужчине, в трудной ситуации они всегда вспоминают о том, что они женщины». Часть юношей мегаполиса также считают, что женщины «не знают еще, как ею [независимостью] пользоваться», не научились аргументировать и отстаивать свои позиции. В то же время подчеркивалось

неравноценное отношение к женщинам в отдельных сферах жизни общества, например в политике. Часть юношей убеждены в том, что равноправие в стране формальное, а фактически прав у женщины гораздо меньше, чем у мужчины: «За окном Россия: здесь не будет равенства; женщины никогда не будут иметь возможностей, которые имеют мужчины», «Она имеет право высказаться, но ее никто не будет слушать», «Всегда есть люди, которые не будут ее слушать только потому, что она женщина».

Выводы

Представители российской студенческой молодежи фиксируют трансформации гендерных ролей современных мужчин и женщин, расширение спектра их типичного поведения и в то же время стремление к базовым человеческим ценностям во взаимоотношениях — уважению и партнерству.

И юноши и девушки отметили развитие российского общества в направлении равноправия мужчин и женщин в политической и профессиональной деятельности, в карьерных намерениях, саморазвитии, исполнении ролей в семье и одновременно указали на сложности реализации декларируемых равных возможностей.

Сравнительный анализ позволил сделать выводы о формальных и содержательных различиях озвученных представлений в зависимости от пола респондентов. Респонденты как столичных, так и провинциальных вузов высказывали преимущественно негативно окрашенные суждения (скептические, критические и пр.) о представителях другого пола, о представителях своего — в основном позитивные, но в значительной мере идеалистичные. В то же время представления о современных мужчинах и женщинах дифференцированы в зависимости от места обучения/проживания. Студенческая молодежь провинции воспринимает гендерные трансформации преимущественно негативно в формате оппозиции, претензии и долженствования.

Результаты исследования представлений студенческой молодежи провинциальных городов и мегаполисов о современных мужчинах и женщинах продемонстрировали противоречивость и неоднозначность восприятия современных гендерных трансформаций: в высказываниях студентов отчетливо прозвучали ориентация на сепарацию и противопоставление мужчин и женщин, категоричные оценочные суждения, в характеристиках поведения другого пола преобладают негативные оценки. В суждениях студентов крайне редко звучали термины партнерства и сотрудничества, актуальные в настоящее время во всех сферах жизни; чаще были слышны несогласованность ролевых ожиданий, отсутствие удовлетворенности от общения и взаимодействия, взаимные претензии. Подобные противоречивые данные были нами получены и на других выборках, в частности у школьников разного возраста [Штылева, Ключко, 2019].

В представлениях студентов вузов зафиксированы основные гендерные трансформации современности — расширение диапазона гендерных ролей и амбивалентность психологических качеств. Молодежь мегаполиса продемонстрировала тенденцию сдвига к эгалитарным отношениям, однако студенты провинциальных городов (и девушки и юноши) пока апеллируют к традиционным гендерным нормам. Преимущественно деструктивные высказывания

при описании современных гендерных трансформаций показывают конфликтность существующих гендерных отношений, косвенно подтверждают положение о незавершенности гендерной революции в России. Преимущественно положительные представления о трансформации женских ролей и качеств контрастируют с яркой негативной оценкой изменений мужских ролей и характеристик.

В то же время, как показывает опыт развитых стран, имеющих высокий индекс гендерного равенства (Исландия, Швеция, Финляндия, Канада), для принятия обществом эгалитарных моделей отношений необходима критическая масса людей, разделяющих новые идеи, позитивно их принимающих, и новые формы социальной практики. Отсутствие поддерживающих внешних факторов (государственная идеология, правовые инициативы, целенаправленная интеграция гендерного подхода в образовательные и просветительские программы, социальная поддержка равномерного распределения обязанностей в семье и др.) не позволяет прогнозировать скорого перехода к партнерским гендерным отношениям в российском обществе. Следовательно, множественные социальные проблемы, вытекающие из существующей модели гендерных отношений, например демографическая (мужская сверхсмертность, высокий уровень разводов, низкая рождаемость, семейное и сексуальное насилие и пр.), не будут решены.

Библиографический список

- Байбурина Д. Г.* Гендерные аспекты трансформации брачно-семейных отношений в современном обществе // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 2. С. 651—656.
- Задворнова Ю. С.* Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 32—40.
- Зинькина Ю. В., Слинко Е. В., Быканова Д. А., Коротаев А. В.* Динамика ценностей и модернизация: опыт количественного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21. С. 44—72.
- Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С. Л. Лопатиной, науч. ред. Э. Д. Панарин. М.: Мысль, 2018. 347 с.
- Клецина И. С., Иоффе Е. В.* Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2017. 144 с.
- Ключко О. И.* Гендерные трансформации в социализации и ментальности российской молодежи // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Философские науки. 2018. № 1. С. 29—35.
- Ковтун Г. С., Куперман А. А.* Гендерные представления современной студенческой молодежи: (на материале г. Владивостока) // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 53—63.
- Кон И. С.* Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Постклассические гендерные исследования: коллективная монография / отв. ред. Н. Х. Орлова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 8—32.
- Мирча А. В.* Образование и гендерная трансформация в условиях культурной глобализации Японии // Философия образования. 2010. № 3. С. 153—161.
- Семенова Т. В.* Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Казань, 2007. 40 с.

- Силласте Г. Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3—16.
- Тартаковская И. Н., Лунин И. И. Социальные трансформации гендера и сексуальности в свете идей И. С. Кона // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 4—19.
- Терентьева В. И. Социокультурные метаморфозы на рубеже эпох — закономерности и угрозы // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2019. № 31. URL: vsoa.esrae.ru/205-1125 (дата обращения: 17.03.2019).
- Чекалина А. А. Психология гендерного самосознания. М.: Моск. гор. пед. ун-т, 2015. 240 с.
- Чекалина А. А. Город. Образование. Ментальность // Взаимодействие на преподавателя и студента в условията на университетското образование: традиции и инновации: материалы Международной научно-практической конференции. Китев, 2018. С. 35—41.
- Чернова Ж. Незавершенная гендерная революция // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 222—242.
- Штылева Л. В., Ключко О. И. Гендерные трансформации в ментальности современных российских школьниц // Перспективы науки и образования. 2019. № 2. С. 240—255.
- Billari F., Esping-Andersen G. Re-theorizing family demographic change // Population and Development Review. 2015. Vol. 41, № 1. P. 1—31.

References

- Baiburina, D. G. (2014) Gendernye aspekty transformatsii brachno-semeinykh otnoshenii v sovremennom obshchestve [Gender aspects of the transformation of marriage and family relations in modern society], *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 19, no. 2, pp. 651—656.
- Billari, F., Esping-Andersen, G. (2015) Re-theorizing family demographic change, *Population and Development Review*, vol. 41, no. 1, pp. 1—31.
- Chekalina, A. A. (2015) *Psikhologiya gendernogo samosoznaniia* [The psychology of gender identity], Moscow: Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet.
- Chekalina, A. A. (2018) Gorod. Obrazovanie. Mental'nost' [Town. Education. Mentality], in: *Vzaimodeistvie na prepodavatelii i studenta v usloviata na universitetskoto obrazovanie: traditsii i inovatsii*: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kitev, pp. 35—41.
- Chernova, Zh. (2019) Nezavershennaia gendernaia revoliutsiia [Incomplete gender revolution], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 2, pp. 222—242.
- Inglhart, R. (2018) *Kul'turnaia evoliutsiia: kak izmeniautsia chelovecheskie motivatsii i kak eto meniaet mir* [Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world], Moscow: Mysl'.
- Kletsina, I. S., Ioffe, E. V. (2017) *Gendernye normy kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen* [Gender norms as a socio-psychological phenomenon], Moscow: Prospekt.
- Kliuchko, O. I. (2018) Gendernye transformatsii v sotsializatsii i mental'nosti rossiiskoi molodēzhi [Gender transformations in the socialization and mentality of Russian youth], *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*, seriia: Filosofskie nauki, no. 1, pp. 29—35.
- Kon, I. S. (2011) Tri v odnom: seksual'naia, gendernaia i semeinaia revoliutsiia [Three in one: sexual, gender and family revolution], in: *Postklassicheskie gendernye issledovaniia*:

- Kollektivnaia monografiia, St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 8—32.
- Kovtun, G. S., Kuperman, A. A. (2017) Gendernye predstavleniia sovremennoi studentcheskoï molodëzhi: (Na materiale g. Vladivostoka) [Gender representations of modern students: (Based on material from Vladivostok)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 53—63.
- Mircha, A. V. (2010) Obrazovanie i gendernaia transformatsiia v usloviakh kul'turnoi globalizatsii Iaponii [Education and gender transformation in Japan's cultural globalization], *Filosofiia obrazovaniia*, no. 3, pp. 153—161.
- Semenova, T. V. (2007) *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniia gorodskoi mental'nosti: Avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Theoretical and applied aspects of the socio-psychological study of urban mentality: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Kazan'.
- Shtyleva, L. V., Kliuchko, O. I. (2019) Gendernye transformatsii v mental'nosti sovremennykh rossiiskikh shkol'nits [Gender transformations in the mentality of modern Russian schoolgirls], *Perspektivy nauki i obrazovaniia*, no. 2, pp. 240—255.
- Sillaste, G. G. (2019) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poriadka [Social transitions and the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—16.
- Tartakovskaia, I. N., Lunin, I. I. (2018) Sotsial'nye transformatsii gendera i seksual'nosti v svete idei I. S. Kona [Social transformations of gender and sexuality in the light of I. S. Kona], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 4—19.
- Terent'eva, V. I. (2019) Sotsiokul'turnye metamorfozy na rubezhe epoch — zakonmernosti i ugrozy [Socio-cultural metamorphoses at the turn of the epoch — patterns and threats], *Vestnik Vostochno-Sibirskoi otkrytoi akademii*, no. 31, available from vsoa.esrae.ru/205-1125 (accessed 17.03.2019).
- Zadvornova, Iu. S. (2013) Tendentsii transformatsii gendernykh rolei v sovremennoi rossiiskoi sem'e [Trends in the transformation of gender roles in the modern Russian family], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 32—40.
- Zin'kina, Iu. V., Slin'ko, E. V., Bykanova, D. A., Korotaev, A. V. (2018) Dinamika tsennosteï i modernizatsiia: opyt kolichestvennogo analiza [Value dynamics and modernization: quantitative analysis experience], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, no. 21, pp. 44—72.

Статья поступила 14.12.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Ключко Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор департамента психологии, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, olga-kliouchko@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor at Psychology Department, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation).

Чекалина Ангелина Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, chekalina@inbox.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at Psychology Department, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation).

Иоффе Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, elenaioffe@yandex.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Ерофеева Мария Александровна — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Московский университет Министерства внутренних дел РФ им. В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия, erofeeva-ma72@yandex.ru (Dr. Sc. (Pedagogics), Professor at the Department of Pedagogics, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Сухарева Надежда Федоровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной и прикладной психологии, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, nadezhda-sukhareva@yandex.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Special and Applied Psychology, Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russian Federation).

Самосадова Елена Владимировна — старший преподаватель кафедры специальной и прикладной психологии, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, samosadova_ev@mail.ru (Assistant Professor at the Department of Special and Applied Psychology, Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russian Federation).